

Helena Pocięchina

Роль морфологического фактора в обогащении лексического запаса языка

Acta Polono-Ruthenica 14, 475-486

2009

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Helena Pocietchina
Olsztyn

Роль морфонологического фактора в обогащении лексического запаса языка

1. Введение

В данной статье на материале славянских языков будут рассматриваться изменения семантических и стилистических характеристик лексем, связанные с различиями в их морфонологической структуре. Функционально-динамический подход к описанию языковых изменений, определяемых воздействием морфонологического фактора на всех знаковых уровнях языка, предполагает выявление взаимосвязей между грамматическим и лексико-семантическим уровнями. При составлении структурного описания необходим анализ значимого противопоставления морфем различных классов с точки зрения наличия или отсутствия диктуемого нормой традиционного (исторического) чередования на морфемном шве в словоизменяющей или словообразовательной парадигме, которое является семантически значимым. Отсутствие или наличие в формальной структуре лексемы того или иного типа морфонологического чередования определяет возникновение вариантов языковых единиц, способствующую появлению у слова или словоформы новых грамматических и лексических значений и коннотаций.

Применение методов диахронического анализа позволяет представить функционально-типологическую характеристику грамматической вариативности лексических единиц в славянских языках также в прагматическом аспекте: с учетом области функционирования данных единиц в связи с переходом из одной сферы употребления в другую.

Как известно, в славянских языках действует тенденция к устранению морфонологических чередований¹. В результате действия этой тенденции исходная основа лексемы вследствие устранения грамматического чередо-

¹ W. Mańczak, *Tendances générales des changements analogiques*, „Lingua” 1958, № 7, с. 298–325, 387–420; С. Б. Бернштейн, *Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы*, Москва 1974.

вания на границе морфем при словоизменении или деривации остается неизменной, что экономит речевые усилия говорящего. В данной статье рассматривается семантический способ устранения чередований. Семантическим способом устранения чередований мы называем такой способ функционирования в речи грамматических вариантов лексем, когда обе словоформы: словоформа первичная, в основе которой чередование сохранено и исторически обусловлено, и словоформа вторичная, без чередования в основе, сохраняются в языке, но приобретают различие в значении. При этом одна из них получает дополнительное значение или оказывается стилистически коннотирована: ср. русск. L. sg. *зубы* – *зубья*, *в лесу* – *в лесе*; польск. N. pl. *Polacy* – *Polaki* etc. В таких случаях можно говорить о явлениях лексикализации грамматической семантики. Ниже рассмотрим конкретные примеры.

2. Лексико-стилистическая коннотация субстантивных словоформ

Состояние морфонологических чередований в словоизменительных парадигмах существительных мы рассматриваем на фоне реконструированных праславянских форм. Эти формы определяются как первичные в сопоставлении с вторичными, развившимися в современных славянских языках и диалектах. При сопоставлении оказывается очевидным факт отсутствия чередований в основах тех словоформ, где они были обусловлены исторически. Принимаются во внимание прежде всего такие чередования, как чередования заднеязычных согласных с зубными (и соответствующие им чередования твердых/мягких согласных на границе морфем), а также чередования гласного с нулем звука в зависимости от сильной или слабой позиции праславянского редуцированного гласного и чередования с расширением основы в парадигмах на согласный.

Во всех современных славянских языках в падежных формах, восходящих к праславянским словоформам с чередованиями в основе, наблюдается развитие вариантов. Как правило, один из падежных вариантов сохраняет чередование в основе, а другой такого чередования не сохраняет. Наблюдая особенности функционирования вариантов с чередованиями в основе и без чередования, можно констатировать развитие у имен существительных дополнительных значений, связанных с выбором одного или другого типа падежных флексий.

В русском литературном языке употребление флексии L. sg. *-e* или *-у* в парадигме существительных мужского рода (1-го субстантивного склонения) связано с падежным (грамматическим) и/или стилистическим различием в значении. Б.А. Успенский утверждает, что в русском языке есть два предложных падежа². Определенная группа существительных в сочетании с предлогами *в* и *на* образует формы с флексией *-у* в собственно локативном значении, приобретающем дополнительные адвербиальные значения: *на берегу́, кругу́, боку́, на виду́, ходу́, бегу́, веку́; в (во) кругу́, лесу́, жиру́, льду, мху, пуху́, полку́, глазу́* и т.д. Согласно старой норме существительные, зависящие от глаголов типа *горевать, скорбеть, скучать, тосковать* или от соответствующих отглагольных существительных, принимали форму L.: *тосковать по доме*. В современном языке нормой является D.: *скучать по дому, тоска по сыну*. Тенденция к устранению чередований проявляется в предпочтении в L. sg. формы с флексией *-у*, устраняющей чередование в основе. В одном случае такие формы оцениваются как разговорно-просторечные: *в отпуску́, в цеху́, в уголку́, в шелку́, в терему́*, ср. также диал. L. sg. *в городу́, на острову́*, в отличие от нейтральных: *в отпуске, в цехе, в уголке́, в шёлке, в тереме*. В другом случае формы с флексией *-e* оцениваются как устаревшие: *на бэреге, сне́ге, во́зе, ва́ле; в а́де, брэде, гробе́*, в отличие от нейтральных: *на берегу́, на снегу́, на возу́, на волу́, в аду́, в бреду́, в гробу́*. Выбор формы может быть также связан с употреблением лексемы в составе фразеологизма или термина, в составе имени собственного: *на крутом яру́* и *в Бабьем яре*, *в нашем саду́* и в „Вишневом са́де” Чехова, *в кругу́* („В круге первом” – название романа А. Солженицына) /*в кругу́* (друзей).

Ликвидация чередования в исходной основе представлена в форме N. pl. (с обязательной акцентированной флексией): *снег – снега́*, ср. устаревшее, поэтическое *снеги*. С явлением ликвидации чередования связана оценка формы как диалектной (просторечной) или специальной, свойственной профессиональным жаргонам: *цех – цехи/цеха́, отпуск – отпуски/отпуска́, ко́лер – ко́леры/ко́лера́*. Особые формы представлены во фразеологических сочетаниях: *ру́ки в бо́ки* (при нормативном *бока́*), *в кои-то ве́ки, на ве́ки вечные, во ве́ки веков* (при нейтральном *века́*). Различные значения развились в вариантах N. pl. *ко́лени/ко́лена* (в древнерусском языке формы оценивались как дублетные). Форма N. pl. *ко́лени* определяет ‘часть ноги,

² Б. А. Успенский, *Замечания о втором предложном падеже*, [в:] *Часть и целое в русской грамматике*, Москва 2004, с. 63–110.

в которой находится сустав, соединяющий бедро и голень, место сгиба ноги', форма *колéна* употребляется в переносном значении: *колéна трубы* 'часть ломаной линии, идущей от одного сгиба до другого', *колéно соловьиной песни* 'законченный мотив в музыкальной импровизации'. Различие в значениях выступает также в вариантах словоформ *verhá* 'ант. низы', 'наружная часть, лицевая сторона одежды, обуви' и *verhí* 'высшие руководящие круги общества', 'внешние, поверхностные стороны какой-л. области знания', *mexá* 'шкура пушного зверя', 'волосной покров животного, шерсть' и *mexí* 'приспособление для нагнетания воздуха'.

Случаи сохранения чередований в отдельных формах связаны с существованием в современном русском языке функционально-стилистической группы старославянской книжной лексики и фразеологических единиц. В произведениях художественной литературы с целью архаизации используются формы звательного падежа с чередованием: *старче, человеце, отче*, придающие коммуникативной ситуации в разговорной речи оттенок иронии. Ср. также междометие *Боже!/Боже мой!*. В форме L. pl.: *на воздушех, темна вода во облацех, погибоша аки обри* и др.

В белорусском языке при помощи вариантных форм различаются омонимы: N. sg. *рог*, L. sg. *на рогу* (вуліцы) – *на роze* (живёлы).

В польском языке в зависимости от значения, выбираются формы с чередованием в основе и без него: ср. N. pl. *Czechy, Włochy, Węgry* 'названия государств' – *Czesi, Włosi, Węgrzy* 'представители титульных наций данных государств'; однако L. pl.: *we Włoszech* (ale *we Włochach* 'dzielnic Warszawa'), *na Węgrzech, w Niemczech*, уст. *Prusy – w Prusiech* и *o Włochach, Węgrach, Niemcach* – если речь идет о представителях народов; ср. также G. pl. с нулевой альтернативой в основе и без нее: *Republika Federalna Niemiec – nie ma Niemców*. Формы существительных мужского рода в N. pl. имеют пейоративный оттенок или приобретают отрицательную коннотацию при употреблении с исходной основой: *chlopy, żuliki, Polaki, profesory*, ср. *Mieliśmy dzisiaj dwa polaki*, т.е. 'два урока польского языка'³.

Отдельные случаи лексикализации грамматической семантики с области вариантных парадигматических форм отмечаются в чешском языке⁴: в L. sg. при наличии форм *o jměně/jměnu* в наречных сочетаниях употребляется только форма *jměnu*: *ve jměnu zákona, ve jměnu Boha*; для существительного *špendlík* 'шпилька' в устойчивых словосочетаниях только L. pl. *sedet jako na*

³ S. Dubisz (red.), *Uniwersalny słownik języka polskiego*, Warszawa 2003, т. III, с. 307.

⁴ Т. В. Попова, *Славянская морфология*, [в:] Т. В. Попова (ред.), *Субстантивное словоизменение*, Москва 1987, с. 99 и след.

špendlíkách, chodit jako na špendlíkách при возможности в иных случаях формы с чередованием перед флексией *-ích*, *ibid.*: *ohnisko – v ohniscích* ‘в очагах (сопротивления)’ – *v ohniskách* ‘в фокусах (линзы)’. Формы N. pl. с флексией *-i* по сравнению с формами на *-ové* оцениваются как стилистически маркированные: *despota – despoti/despotové; asketa – asketi/asketové, invalida – invalidi/invalidé* (первая из форм носит разговорный, пейоративный характер). В отличие от польского языка, в чешском экспрессивный характер высказывания способствует сохранению чередования в основе словоформы (*ibidem*). Семантические различия наблюдаются в формах N. pl. существительных: *koník – koníci/koníčkové* ‘лошадки’ и *koníky* ‘конёк, хобби’; форма с чередованием: *brat – bratřích (bratři, bratřím, bratřimi)* употребляется в значении ‘чешские братья’. Формы Voc. sg. с чередованием оцениваются как книжные, устаревшие или экспрессивные: V. sg. *bože, človče*.

В словацком языке в форме L. pl. используется флексия *-ach, -och*, старая флексия *-iech*, определявшая чередование на стыке основы и флексии, встречается в диалектной речи и в художественной литературе в качестве стилистического приема⁵.

В сербском и хорватском языках краткая форма субстантива, кроме обязательной стилистической коннотации, может представлять другое значение: сербск. *krúzi* ‘круги’ (в разных значениях) – *krugovi* ‘кольца’ (спорт.); *vrh – врси* ‘верх в разных значениях’ – *врхѡви прстију* ‘кончики пальцев’; *akt – акти* ‘действия, поступки’ – *акта* ‘документы’ – *äktови* ‘действия, акты в пьесе’; *сät ‘час’ – сätü ‘часы, единицы измерения времени’/сätови ‘часы, прибор’*. Формы N. pl. сербск. *вÿци, знäци, грëси*; хорв. *dömi, drÿzi, sîni* оцениваются как книжные⁶.

В словенском языке словоформы с флексией *-i* в формах D./L. sg. оцениваются как книжные, устарелые или диалектные: *O kresi se dan obesi*⁷. Формы N. pl. *tatjë, volcjë, nohtjë, kapjë* с йотовым расширением основы считаются устарелыми, современные формы образуются по типу *korak: tatövi, volkövi*⁸.

Устранение чередования гласного с нулем звука в основе может служить средством дополнительного семантического различия (наряду

⁵ E. Pauliny, *Slovenská gramatika*, Bratislava 1968, с. 95.

⁶ E. Barić, M. Lončarić, D. Malić и др., *Priručna gramatika hrvatskoga književnoga jezika*, Zagreb 1979, с. 73; Т. В. Попова, *op. cit.*, с. 63.

⁷ J. Toporišič, *Slovenska slovnica*, Maribor 1976, с. 217.

⁸ *Ibidem*, с. 218.

с ударением): русск. *козёл* – *козлы*, G. pl. *козлов* (с ударной флексией) и pl. tant. *кóзлы* ‘возвышение, подставка’ – G. pl. *кóзел*. Чередование устраняется и в тех случаях, когда существительное нарицательное становится именем собственным, фамилией: бел. *казёл* – *казла*, но *Козел* – *Козела*, *Самец* – *Самеца* и т.д., ср. польск. *Niemen* – *Niemna* (река Неман), но *Niemen* – музыка *Niemena*.

Лексикализация грамматических форм, различающихся морфонологической структурой основы, наблюдается также в функционировании в славянских языках континуантов старых форм двойственного числа существительных *очи*, *уши*.

3. Изменения морфонологической структуры производного слова

Морфонологический фактор играет роль в формировании семантических и стилистических различий словообразовательных вариантов лексем. Формальные различия в этом случае касаются морфонологической структуры производных слов. В области деривации действует тот же принцип, который был уже выше определен для чередований парадигматических: один из вариантов отмечен чередованием, а в другом чередование устранено. В таком случае мы говорим о словообразовательном, или деривационном способе устранения чередований. Ниже приведем несколько примеров.

В процессе формирования лексико-стилистических особенностей русского языка имела место замена старых церковнославянских суффиксов *-иц-* и *-ыц-* женского и мужского рода, отражающих чередование *к // с* по условиям 3-й палатализации заднеязычных, суффиксальными формантами *-к(а)* и *-(о)к-* (< *-ьк-) с исходным *к* в основе: ср. др.-русск. *моуха* – *мышца* ‘мушка’ и *мышьца*; *мьхъ* – *мышьць* ‘мешок’, *оухо* – *оушица* ‘ухо, ручка’, *мишица* ‘мошка’ и совр. русск. *муха* – *мушка*, *ухо* – *ушко* ‘ручка’, *ушица* (дим. *уха*) – *юшка*; бел. и укр. *мушка*, польск. *meszka*. Русские существительные с суффиксальным формантом *-иц(а)* в отличие от дериватов тех же самых корней с формантом *-к(а)* употребляются в гипокористическом значении: ср. *водица*, *девица*, совр. русск. пейорат. *водка*, *девка*. В польском, украинском и белорусском языках суффиксальный формант *-иц(а)* для оформления эмоционально-оценочных дериватов употребляется крайне редко.

Разница в значении выступает в субстантивных дериватах от корня *спасать*: *Спас-и-тель* и *спас-а-тель*. Субстантив *Спаситель* 'атрибут Иисуса Христа' не встречается в древнейших славянских памятниках, вероятно, он был создан по старославянским моделям в церковнославянской катехетике (ср. русск. *спас-а-ть* > *спас-а-тель* с сохранением тематического гласного при словообразовании): в украинском языке как собственно украинское *спаситель*, так и заимствованное из немецкого языка за посредством польского *рятівник* являются синонимами.

Исконные формы, в которых чередование сохраняется, могут различаться: в зависимости от речевой коммуникативной ситуации относиться к книжному стилю или принадлежать к просторечию. В лексемах типа русск. *мать*, *дочь*, польск. *matierz* и *maciora* чередование с расширением основы ликвидировано (ср. русск. нейтр. *мать* – *матери*, *дочь* – *дочери*), при этом указанные русские лексемы приобрели стилистическую коннотацию, а польские изменили значение. Ср. также: русск. N. sg. *пламя* – G. sg. *пламени*, уст. N. sg. *пламень* (польск. *plomień*), бел. N. sg. *ім'я* – G. sg. *імені*, разг. *ім'я*; русск. *небо* и *небеса*, *слова* и *словеса*, *тела* и *телеса*.

При проведении сопоставительных исследований на восточнославянском материале в сфере прагматики можно обнаружить сужение сферы употребления существительных, словоизменение которых вызывает трудности у носителей языка: ср. функционирование в белорусском и польском языках лексем бел. N. sg. *сабачка* – N. pl. *сабачкі* вместо N. sg. *шчаня* – N. pl. *шчаняты*, польск. N. sg. *piesek* – N. pl. *pieski* вместо N. sg. *szczenie* – N. pl. *szczenięta*. В русском языке функционирует как дериват с устраненной альтернативой N. sg. *щенок* – N. pl. *щенки*, так и словоформа с чередованием, выходящим за пределы нормы: N. sg. *щенок* – N. pl. *щенята*, ср. также прилаг. *щенячий*, например, во фразеологизме *щенячья радость*.

4. Изменение морфонологических характеристик слова в процессе заимствования

Некоторые изменения в структуре производного слова определяются влиянием морфонологического фактора в процессе адаптации и функционирования в славянских языках заимствованной лексики.

В процессе заимствования изменяются морфонологические и синтаксические правила функционирования морфем, словоформ и синтаксических

конструкций: изменяются словообразовательные модели, происходит перемещение морфемных границ, следствием чего являются процессы дестимологизации значений лексем. В ходе адаптационных процессов утрачиваются также морфонологические чередования. Например, исчезло чередование гласного с нулем звука в заимствованной в белорусский язык из польского лексеме *pozew*: польск. N. sg. m. *pozew*, G. *pozwa* – бел. N. sg. *позва*, что повлекло за собой изменение признака рода, а, следовательно, и словоизменительного типа. Ср.: польск. *mazurek* ‘танец и пасхальное печенье’ – русск. *мазурка*.

Морфонологический критерий может быть решающим при определении заимствованного характера лексем. Например, на основе сопоставления континуантов праславянского \dot{z} в восточнославянских славянских языках можно утверждать, что чередование в корнях русск. *дитя* – *дети* (дррусск. *дѣта* – *дѣти*) возникло под влиянием украинского языка, поскольку из восточнославянских языков только в украинском континуантом \dot{z} является [u] (ср. укр. *діти*, *дитина*, бел. *дзіця*, польск. *dziecko*). На этом основании можно полагать, что украинское влияние определило орфографию русск. *вития* < целав. *вѣтиа* ‘оратор’ (ср. русск. *привет*, *ответ* с тем же корнем и регулярным русским соответствием $\dot{z} > e$), а также русск. *сидеть*, дррусск. *сѣдѣти* – *сидѣти* (ср. бел. *сядець* – *сеў*, польск. *siedzieć* – *siad* с регулярными рефлексами *ѣ).

В польском языке на уровне процессов транслитерации на заимствованный характер лексемы указывает написание *h* вместо эквивалентного *g* в лексемах, заимствованных из белорусского или украинского языков (в том числе в качестве языков-посредников) и отражающих фрикативное (ларингальное) произношение русского и польского звонкого заднеязычного. Носители польского языка не имеют фонематического представления о звонком спиранте [ɣ], а потому, как показывает наш опыт преподавания белорусского языка в польской аудитории, в их сознании звук, который они слышат, ассоциируется с польским <ch>, а не с <g>. В качестве подтверждения наших наблюдений приведем примеры вариантных форм: N. sg. *Sapieha*, *wataha* – L. sg. *Sapiesz* a. *Sapieży* resp. *watasze* a. *wataże*, функционирующих в литературном языке в виде дублетов. На основании проведенного анализа можно предположить, что украинские и белорусские лексемы были заимствованы в польский язык, по-видимому, устным путем, а их написания отражают процесс трансфонации, а не транслитерации⁹.

⁹ H. Pocietchina, *Rola czynnika morfonologicznego w procesie przyswojenia zapożyczeń (na materiale polskich zapożyczeń w języku białoruskim)*, „Slavia Orientalis” 2006, № 1, с. 119–128.

5. Иноязычные „вкрапления” в тексте

Иноязычные единицы могут рассматриваться в социолингвистике как результат контактов носителей языков. Такие контакты происходят как непосредственно на пограничье территориальных диалектов, так и опосредствованно: при взаимодействии носителей языков с чужими языками и культурами при посредстве литературы и средств массовой информации.

В процессе освоения иноязычного слова имеет место не только графическая и фонетическая адаптация заимствованной языковой единицы, но и анализ ее грамматической и семантической структуры. Результатом семантико-грамматического анализа языковой единицы, переносимой из одного языка в другой, зачастую является изменение ее морфонологических характеристик с целью адаптации к законам словоупотребления в языке-акцепторе.

Несмотря на то, что в русском языке существует регулярное чередование гласного *-e-* с нулем звука в деминутивном суффиксе *-ек-* (например, N. sg. *замочек* – G. sg. *замочка*), заимствованные из польского или чешского языка антропонимы сохраняют основу неизменной: *Яначек* – *Яначека*, *Гашек* – *Гашека*, *Бонек* – *Бонека* (с твердым [н]), *Лешек* (Миллер) – *Лешека* (Миллера), (Ежи) *Бузек* – (Ежи) *Бузека*, *Болек* и *Лёлек* – *Болека* и *Лёлека* и т.д.

Отсутствие чередования в таких случаях имеет несколько причин. Оно может быть связано с происходящей в процессе адаптации десемантизацией (деэтимологизацией) элементов морфемной структуры слова. В русском языке нет оснований для морфемного членения подобного рода имен собственных, поскольку значимые субстантивные корни (*-гаш-*, *-бон-*, *-леш-*, *-буз-* и др.) не встречаются в подобном окружении. Чередования гласного с нулем звука в корнях слов представляют явление редкое, свойственное только формам G. pl. существительных женского склонения на *-а*, имеющих в исходе корневой морфемы стечение согласных (*сёстры* – *сестёр*, *башни* – *башен*). Таким образом, структура основы в заимствованных антропонимах не оценивается как суффиксальное образование „корень + суффикс”. Если же в заимствованных антропонимах выделяется суффикс (*Бол-ек* и *Лёл-ек*), чередование устраняется в связи с особенностями русской морфонологии. В русском языке суффиксы только *-ик-*, *-ок-/ёк-* присоединяются непосредственно к корню. При этом при образовании деминутивов они выступают как акцентированный и неакцентированный варианты морфемы с одним и тем же значением. Ср. русск. *ноготок*, *щиток*, *деготок*, *роток*,

денёк, пенёк, ручеёк, кофеёк, репеёк, гусёк – и *кóзлик, криста́ллик, ствóлик, соко́лик, крѣстик, но́лик, го́дик, прѹдик*. Гипокористические и пейоративные имена собственные в русском языке образуются при помощи простых суффиксов *-ик-, -ёк-*: *Виктор – Витя – Витёк, Алекса́ндр – Са́ша – Сашо́к, Леони́д – Лёня – Лёник, Марк – Ма́рик*, но не *-ек-*. Отсюда возможные ошибки в написании: *Бо́лик* и *Лёлик* (название кондитерского магазина в Минске), вытекающие из устранения нулевого чередования в основе.

В восточнославянских языках чередования в основах существительных мужского рода регулярны и не имеют исключений, если речь идет об исконной лексике. Однако при употреблении иноязычных слов в виде культурологических феноменов, концептов, мемов чередования в суффиксах регулярно устраниаются, а основа остается неизменной, ср. употребление русских существительных в польских текстах:

Nie mniej malowniczy niż Kwaśniewski z wąsikiem jest widok oligarchy [...] jak z karykatur Kruppa, Rothchilda rysowanych przez Kukryniksów w „Ogonioku” w latach 50. (Daniel Passent, „Polityka” № 38 (2621) z 22.09.2007, с. 141).

Известная эстрадная танцовка, победительница международных конкурсов Ивона Павлович на страницах женского журнала „Клаудиа” рассказывала, как она в юности танцевала *kazaczoka*, ср.:

Poniedziałkowy koncert „Tańce i pieśni krajów zamieszkania” zachwyił festiwalową publiczność. Trudno się dziwić, skoro jednego wieczoru miała okazję oklaskiwać brawurowo wykonane tańce indiańskie, chakaskie, brazylijską sambę, amerykańskiego swinga czy żywiołowego *kazaczoka* rodem z Ukrainy. (*Na festiwalu od samby do kazaczoka*, „Gazeta Wyborcza” z 22.07.2008)

Студенты Варминско-Мазурского университета во время поездки на студенческую научную конференцию в Бердянск (Украина) в продуктовом магазине покупали *syroki*, т.е. глазированные творожные *сырки*. С неизменной основой в русском языке используются польские, белорусские, украинские, чешские существительные с суффиксом *-ек*, прежде всего имена собственные: *читать Гашека, разговаривать с Мареком, хроника Кадлубека* и т.п. Ср. пример из статьи В. П. Беянина *Лингвистический шок*, опубликованной в интернете:

Для начала оказалось, что словечко *zadek* ‘попка’ вполне приличное и может употребляться безо всяких последствий. Помимо *задеков* в чешском довольно много существительных, оканчивающихся на *-дло*

(*ходидло, возидло, умывадло* и т.п.) (по материалам сайта <www.languages-study.com/shock.html>).

То же самое можно сказать о белорусском и украинском языках относительно польского: польские, чешские, словацкие диминутивные имена собственные, употребленные в белорусском (или украинском) художественном тексте, сохраняют основу неизменной¹⁰.

6. Выводы

В данной статье мы рассмотрели некоторые лексико-семантические аспекты функционирования вариантов в грамматической системе славянских языков. Роль морфонологического фактора на уровне лексикологии нами выявляется при анализе таких системных явлений, как развитие значений многозначного слова, оформление функционально-стилистических коннотаций лексем, принадлежащих к сфере общеупотребительной лексики, функционирование в языке заимствованной лексики.

Отсутствие диктуемого диахронической нормой традиционного (исторического) чередования в основе лексемы может быть не только грамматически, но и семантически значимым. Развитие вариативности лексических единиц, связанное с различием в морфонологическом оформлении основы производного слова, способствует формированию в отдельных славянских языках новых грамматических и лексических значений и коннотаций.

Применение методов диахронического анализа позволило представить функционально-типологическую характеристику морфонологических изменений, связанных с развитием вариативности: ее возникновением и устранением посредством формирования новых значений лексических единиц или посредством изменения способа их функционирования в связи с переходом из одной сферы употребления в другую. Новые грамматико-стилистические варианты лексем появляются также вследствие взаимодействия различных подсистем внутри этнического языка (территориальных и социальных диалектов) и в результате языковых контактов.

Таким образом, обогащение лексического запаса языка происходит при участии морфонологического фактора.

¹⁰ Б. Зінкевич-Томанек, *Грамматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис*, Kraków 2007, с. 46.

Streszczenie*Rola czynnika morfonologicznego w rozwoju zasobów leksykalnych języka*

Autorka porusza problem funkcjonowania wariantów gramatycznych substantivejnych form fleksyjnych i derywatów na płaszczyźnie leksykalno-semantycznej w językach słowiańskich. Zakłada, że rola czynnika morfonologicznego w rozwoju zasobów leksykalnych języka polega na tym, iż formy oboczne powstałe na drodze likwidacji alternacji historycznych w systemie gramatycznym języków słowiańskich nabywają w perspektywie historycznej dodatkowych konotacji stylistycznych, tworzą nowe znaczenia oraz doprowadzają do powstania homonimii. Czynniki morfonologiczne oddziałuje również na procesy przyswajania zapożyczeń oraz wyznacza zasady funkcjonowania wyrazów obcych w systemie języka ojczystego.

Summary*The role of morphological factor in vocabulary enrichment*

This paper discusses a problem of functioning of grammatical variants of inflection forms and substantive word-formations on the surface of lexical semantics in the Slavonic languages. Author comes to conclusion that the role of morphological factor in vocabulary enrichment consists in the liquidation of the segmental alternations on the morpheme borders in the process of diachronic development of grammatical variation of substantive forms. Depending on the presence or absence of alternations, the grammatical meaning of concrete variants of inflectional forms or substantive word-formations can be lexicalized and build the different meanings and/or stylistic connotations in the lexical subsystem of language.